

ЭО, 2008 г., № 3

© Г. А. Хизриева

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В основу нашей статьи положены полевые материалы и социологические данные (ЯНАО 2003), исследования по истории организации геологической науки и службы Западной Сибири (*Марков 1932, Запорожниченко 1977*), труды краеведов (ЗС 2005), официальная пресса муниципальных образований Ханты-Мансийского (ХМАО) и Ямало-Ненецкого (ЯНАО) округов и официальные данные административных служб (ТО 2005). Для достижения собственно этнологических целей проводились интервью среди руководителей мусульманских общин, административных работников, депутатов муниципальных и окружных дум ХМАО и ЯНАО в городах Ханты-Мансийск, Нижневартовск, Сургут, Когалым, Нягань, Ноябрьск, Горноправдинск, поселках городского типа Пыть-Ях, Пойковский, Советский, Октябрьский, Белоярский, а также в поселках Ханты-Мансийского р-на. Мы использовали как собственные полевые материалы, так и опубликованные полевые материалы краеведческих экспедиций Сургутского государственного университета. С помощью этих данных мы попытались ответить на вопрос о том, как складываются солидарные связи между выходцами из мусульманского культурного ареала СНГ и мусульманами Западной Сибири.

История миграционных процессов. История формирования мусульманского населения в Сибири (Тобольская, Омская, Тюменская области) уходит корнями в начало XVI в. (*Валеев, Томилев 2006: 26*). Она связана как с историей освоения территорий, пригодных для сельского хозяйства, так и с освоением недр, начавшимся в XIX столетии и сдвинувшим с места различные группы тюркоязычных старожилов Сибири далеко на запад региона. Современный состав населения севера Тюменской обл. складывался на протяжении многих столетий, но наиболее важные изменения в национальном составе в результате нескольких волн миграции, связанных с освоением нефтяных месторождений, произошли в XX в.

В 1930 г. И.М. Губкин на выездной сессии АН СССР в Новосибирске дал "смелую оценку перспектив нефтегазоносности Западной Сибири" (*Усов 1937: 21*). Однако в годы первых пятилеток серьезные исследования по изучению нефтеносности указанного региона не проводились. Проблема жидкого топлива решалась тогда за счет искусственных нефтепродуктов из битуминозных, гумусовых, сапропелевых углей и горючих сланцев (*Запорожниченко 1977: 117*). Ситуация резко изменилась в 1940-е годы. В 1944 г. была добыта нефть в Татарии и Башкирии. В 1960–1963 гг. в Сибирском Приуралье была открыта крупнейшая в мире нефтегазовая провинция с территорией 1,5 млн км². Малонаселенность края не мыслилась как препятствие для добычи нефти, и в СССР началось "нефтяное переселение народов" – волна профессиональных трудовых мигрантов (геологов, нефтяников, дорожников, строителей). Население Сургута, например, за 40 лет увеличилось почти в 160 раз (Там же: 42). Людские ресурсы региона, всегда испытывавшего потребность в рабочей силе, с конца 1950-х годов формируются в основном за счет *плановой* трудовой миграции, возведенной в ранг государственной политики. Миграционные потоки этого времени можно разделить на два периода: 1950–1960-е и 1960–1980-е годы. Первая волна связана со "стройкими века", вторая – с переходом России и бывших советских республик к рыночной

экономике, ознаменовавшимся разрушением старых и формированием новых экономических связей.

Третья волна относится к 1989–2000 гг. Она имеет отношение уже не к государственной политике, а к особенностям формирования нового рынка труда в постсоветской России и растущими ценами на углеводородное сырье. Этот рынок формировался в соответствии с законами свободного рынка, согласно которым трудовые ресурсы всегда концентрируются в местах дислокации капитала. Мигранты-специалисты первой волны были связаны профессиональными интересами прежде всего с геологоразведочной деятельностью, строительством новых городов, формировавшихся вокруг нефтегазовых месторождений, и с узлами транспортировки углеводородов. Те, кто происходил из регионов традиционной нефтедобычи (Азербайджанская ССР, Башкирская, Дагестанская, Татарская и Чечено-Ингушская АССР), отличались в бытовой культуре от мигрантов из Центральной России, тем не менее различия нивелировались общностью профессиональной культуры, потребностей, жизненными стратегиями и общей идеологией.

Я приехал в Сургут в 1976 г. по направлению из Нефтекамска. Земляков здесь много. Встречаюсь, от них никуда не убежишь. Есть нам что вспомнить о работе на Севере... Место рождения Ишимбай, Башкирия. В отпуск мы в основном в Башкирию уезжаем. Я люблю родные места. Сын старший учится в Башкирии, дочь – в Магнитогорске. Им в родной город хочется (ПМ СГУ 2005, Ильдар Борисов).

Я переехала из Дюртюлей – город в Башкирии. Моя мама работает на месторождении. И я тоже. Еще подрабатываю. Работаем вахтами. Почти не встречаемся (ПМА 2007, ЯНАО, г. Ноябрьск).

Приток и отток мигрантов-специалистов из южных и нефтегазовых окраин СССР был приблизительно одинаковым. Даже и теперь многие мигранты-нефтяники сообщают о том, что уедут на родину, как только устроят детей на работу; "приживаемость новоселов в Северных округах была низкой" (Ташилькова 2005: 101). Ротация специалистов и их миграция были плановыми, что способствовало незначительной концентрации пришлого населения.

Пути миграции, пролагаемые трудовыми мигрантами третьей волны, и ее объем соответствовали динамике капитализации углеводородного рынка и прошли через точки дислокации капитала, т. е. столичные города региона и крупные центры добычи газа и нефти Большой Тюмени. Национальный состав населения в целом не изменился, но этноконфессиональный баланс стал неуклонно меняться в сторону "мигрантского". Дело в том, что третья волна миграции совпала с волной "духовного возрождения России", поднявшейся в годы либерализации общественно-политической и религиозной жизни. Перед выходцами из "мусульманских" регионов встал вопрос о смене секулярных установок на религиозные. Это был нелегкий выбор, поскольку за годы жизни на Севере многие связали свои судьбы с представителями других культур и религиозных традиций.

Кроме того, третья волна принесла с собой такое количество мигрантов с юга, что "этническое лицо" западносибирского "работяги" – строителя, газовика, нефтяника, рабочего коммунальных служб, работника сферы торговли – существенно изменилось. Следует отметить, что в большинстве своем это были, по сути, вынужденные мигранты – носители протестной политической культуры, которая не замедлила формироваться в первые годы перестройки в экономически неблагополучных и дотационных республиках юга России и в обедневших странах СНГ. Новые мигранты уже не планировали свою профессиональную карьеру и считали связь с регионом происхождения вынужденной. Интервьюируемые сетовали на то, что "дома нечего делать", "невозможно обеспечить достойную жизнь ни себе, ни детям" и т.п. Вооруженные конфликты, высокий уровень преступности в регионе исхода или почти сплошная безработица поднимает с насиженных мест представителей тех народов юга России и

СНГ, которые ранее не были склонны к участию в трудовой миграции (ногайцы, узбеки). Отличаясь в этническом отношении, они, как правило, разделяют общеисламские представления о семейном быте, правилах общения, общественном устройстве, религиозном поведении, формах проведения досуга, ролевым поведением и т.п. В этом плане они притягиваются к тюркоязычному ядру западносибирской уммы. Они имеют возможность опереться на нее, испытывая потребность в культурной адаптации.

Мои родители жили в Баку. Я в Москве был, когда узнал, что в Баку убивают армян. У меня папа азербайджанец, а мама – армянка. Еще младшая сестра и брат. Каким чудом они добрались до меня, сами не помнят. Их русская семья, которая оттуда выбиралась, приютила на время. Даже моя жена не могла им помочь, хотя она бакиннка и азербайджанка. Что было делать? Я старший. На мне две семьи. Я все бросил, прыгнул в самолет до Тюмени и нанялся охранником. Времена были странные, моя военная выучка пригодилась и мне, и хозяину. Все живы, всех родных выгнул в Сибирь и даже друзей. Нужны были надежные люди. А как они не хотели. Жена не смогла здесь прижиться. Уехала. Развелись. Женился тут. Теперь у меня у самого охранника есть. Татары, ребята с Кавказа (история азербайджанского бизнеса, ныне проживающего в Германии).

Новые этнопрофессиональные сообщества повлияли и на изменение конфессионального баланса Западной Сибири. Социологи в указанном регионе уже более 10 лет не устают писать о "трудностях перевода" с языка европеизированной культуры россиян на этнокультурные языки мигрантов с юга и особенно мигрантов-мусульман (Прищепа 2005: 53; Ткачев 2005: 110–114). Вместе с тем за политкорректными формулировками скрывается, как правило, острая озабоченность тем, что новый, быстро растущий сегмент населения, артикулирующий свою неудовлетворенность решением администраций территорий его духовных и этнокультурных потребностей, не ищет традиционных путей диалога с властью. Почти всю свою активность мигранты-мусульмане обращают к старожильческому мусульманскому населению, ища поддержки у него, а не у власти.

Мусульмане-старожилы вынуждены отвечать на эту активность единоверцев образованием *джамаатов* (или *махаллей*), строительством мечетей, выделением помещений под моленные дома для мусульман и иной деятельностью подобного рода, хорошо понимая, что в противном случае они потеряют лидерство в вопросах организации религиозного пространства мусульман Сибири. В силу этих обстоятельств и соображений имамы мечетей и большинство лидеров профильных национально-культурных автономий должны вступать в трудный диалог с местной властью, которая с недавнего времени под духовным воздействием России понимает поддержку лишь православных приходов. Религиозная же активность мусульман представляется ей несвоевременной. На этой почве и возникают малопродуктивные общественные споры о том, какую религию в Сибири считать традиционной, о "пришлости" мусульман; генерируются предложения по разрешению этих споров.

Группы мусульманского населения. Мусульманское население края представляет собой многонациональное сообщество, в которое входят сибирские татары (*сибирлар*, *сибиртатарлар*), мигранты из Поволжья, Кавказа и Средней Азии: башкиры, казанские татары (*казанлы*), мишари, азербайджанцы, аварцы, даргинцы, ингуши, лакцы, лезгины, ногайцы, табасараны, таты, чеченцы и др. Их объединяет принадлежность к мусульманской культуре. Мусульманское население делится на принимающее и пришлое, которому приходится адаптироваться к новым условиям жизни. К принимающим группам относятся сибирские татары как старожильческое население, а также отдельные группы мигрантов, которые уже во втором–третьем поколениях являются сибиряками. За первые 30 лет нефтяного освоения Западной Сибири здесь оказалось немало граждан из районов традиционной нефтегазодобычи бывшего СССР – Азербайджана, отчасти Казахстана и Калмыкии, Чечни, Ингушетии, Дагестана, Башкирии и юго-востока Татарстана, для которых этот край стал второй родиной.

После развала СССР регион оказался привлекательным и для родственников, знакомых и коллег этих "первопроходцев" – как место их экономического и профессионального убежища. Тут возможно было найти работу. Нефтяники и газовики в нескольких поколениях, представленные данной группой, считают себя "истинными сибиряками" в трех поколениях. Они привлекались в регион именно благодаря своей профессиональной идентичности и оседали здесь, планируя свою жизнь не менее чем на 20 лет. Эта часть мусульманского населения является принимающим и адаптирующим сообществом для новых мусульман из Закавказья. Как правило, эти люди, в недавнем прошлом носители советской идеологии интернационализма, являются представителями "умеренного" ислама. Они также поддерживают солидарные связи с тюркоязычными мусульманами-старожилыми – сибирскими татарами и башкирами – и составляют костяк западносибирской *уммы*.

Согласно исследованиям, проведенным среди татар Салехарда, где они составляют 5,5% населения, 80% из числа опрошенных считают себя мусульманами. При этом регулярно посещают мечеть 7,4%, а по пятницам – 11,3%. Большинство посещающих мечеть – молодые люди до 31 года и лица пенсионного возраста от 61 года (*Оруджева* 2005: 80, *Житинев* 2005: 81). Очевидно, что не посещают мечеть те, кто активно вовлечен в производственную деятельность. Интересно, что эта возрастная группа оказывается наиболее толерантной в отношении мигрантов любой этноконфессиональной группы.

Из года в год поток мигрантов из "европейской" части СНГ в Западную Сибирь снижается. Одна из причин этого – постепенное улучшение качества жизни на указанной территории СНГ, по сравнению с качеством жизни на его юге (*Хизриева* 2006). Данный сегмент принял на себя первый удар миграционной волны времен рыночной экономики. Эта доля трудовой мусульманской миграции представляла собой армию неквалифицированных рабочих, ищущих применения своего труда в торговой деятельности, строительстве дорог, коммунальном хозяйстве и сфере бытового обслуживания, т.е. там, где доходы неквалифицированных рабочих невелики.

Третья группа представлена мигрантами, о численности которых известно менее всего. Для них Западная Сибирь стала местом политического эскапизма с 2000 г., после того как субъекты РФ, где получили распространение группировки радикальных мусульман, взяли курс на выдавливание за свои границы политически негодных религиозных объединений. Именно на исходящую от них опасность ссылается власть, отказываясь вести переговоры об удовлетворении этнокультурных потребностей мусульман.

Динамика формирования мусульманского населения тесно связана с динамикой развития нефтегазовой промышленности в России и в регионе.

За два последних десятилетия население ХМАО и ЯНАО увеличилось в 7,8 и 5,6 раз соответственно. Потоки мигрантов шли из всех республик, но наиболее заметными в последние годы стали выходцы из Поволжья, Волго-Вятского, Северо-Кавказского региона и Урала. Из Поволжья в нефтегазовую промышленность и разведку по совокупности прибыло 45,3% трудоспособного населения; представители народов Северного Кавказа и Азербайджана составили 22,1% трудоспособного населения (при этом большинство пришло в газовую отрасль); выходцы из других регионов, включая районы европейской части страны, составляют ту же долю, что и кавказцы. В последние десятилетия в этих округах, ранее страдавших от бездорожья и труднопроходимости дорог, бурно развивается дорожное строительство. Кроме трудовых коллективов, осуществивших в 1960–1980-е годы строительство магистрали Тюмень – Сургут – Нижневартовск и Сургут – Уренгой (тут работало 5678 человек), отстроены дороги, связывающие города и поселки внутри ХМАО и ЯНАО. Необходимо отметить как высокое качество этих дорог, так и высокие темпы их ввода в строй.

Для подобного рода деятельности в автономиях определены квоты на ввоз иностранной рабочей силы. Нехватка рабочих рук по отдельным отраслям экономики севера Тюменской обл. такова, что она не имеет тенденции к снижению. Например, в 2003 г. заявленная предприятиями и организациями потребность в работниках составляла 81 792, а в 2004 г. – 84 869 человек. Прирост потребности составил 3,8%. В 2003 г. привлечено 31 533 гастарбайтера. Специально отметим, что социологические исследования фиксируют уменьшение доли привлеченной иностранной рабочей силы, а также уменьшение на 8% тех лиц, которым было выдано разрешение на работу в регионе. Между тем снижение процента выданных разрешений никак не сказалось на снижении потока мигрантов, прирост которого составил 6,2% за один год. В целом число иностранных граждан, прибывших в ХМАО, составило 72 207 человек в 2003 г. и 76 671 в 2004 г. Надо полагать, что остальные мигранты, не преодолевшие бюрократических преград, составили армию "нелегалов". В настоящее время эти трудовые ресурсы пополняются за счет выходцев из среднеазиатских и закавказских республик. Они же, постепенно преодолевая бюрократические барьеры, оседают в регионе, продолжая свой трудовой путь в качестве разнорабочих и мелких предпринимателей, специалистов коммунальных служб и сферы обслуживания.

К сожалению, мы не располагаем сведениями по численности каждого из этих народов на территории ХМАО и ЯНАО. Нам доступны лишь сведения, полученные на основании выданных подтверждений на право трудовой деятельности отделом миграции окружных УВД, фиксирующие страну и регион выхода мигрантов и только в случае, если он обратился за разрешением на право трудовой деятельности. Этническая принадлежность этими службами, как правило, не фиксируется. Таким образом, у нас нет возможности опереться на достоверную официальную статистику по этому вопросу. Эксперты оценивают мусульманский этноконфессиональный потенциал региона как долю в 30%, а по отдельным поселкам городского типа и городам ХМАО – в 50% и более (ПИМА 2007). Экспертные оценки базируются на учете количества лиц, регулярно посещающих мечеть, т.е. на численности джамаата (или махалли), но мы видим, что не всегда данные оценки соответствуют реальному положению дел. При этом строительство мечетей в ХМАО и ЯНАО администрацией не воспринимается как важная часть администрирования в округах, хотя все более очевидным становится тот факт, что управлять этим все нарастающим сегментом придется именно административными способами, поскольку малоимущие мечети и их сотрудники, работающие с мусульманами-мигрантами по большей части на основе личного энтузиазма, не справляются с задачей. За два года моей работы в регионе мне приходилось слышать от чиновников, курирующих деятельность общественных и религиозных организаций в ХМАО, что ислам не является традиционной религией Сибири, как язычество и христианство, а потому нет смысла его поддерживать. В результате такой политической установки количество мечетей в ХМАО не соответствует темпам роста мусульманских общин и многим мусульманам, желающим посещать мечеть в праздничные дни, посещать обязательный пятничный джума-намаз или провести занятия по чтению Корана, негде разместиться.

Учет мусульманского населения затруднен еще и разного рода "бытовым" нестройством. В 2006 г. я наблюдала совершение праздничного намаза по окончании месяца Рамадан на улице вокруг ханты-мансийской мечети, представляющей собой небольшой щитовой домик. Совершение праздничного молебна-намаза совпало с небывалыми даже для этой суровой местности морозами. Конечно, не все желающие принять участие в праздничном намазе имеют достаточный запас здоровья, чтобы позволить себе выстоять подобное экстремальное богослужение.

В приведенной ниже таблице показана динамика "мусульманской" трудовой миграции. Конечно, это далеко не полная картина. Но даже динамика за один год дает пред-

**Численность трудовых мигрантов из “мусульманских” регионов СНГ и Турции
в ХМАО в 2003–2004 гг.***

Страны выхода	2003 г.	2004 г.
Азербайджан	768	754
Казахстан	762	628
Киргизия	384	515
Таджикистан	1873	3425
Туркмения	3408	1
Турция	1827	1884
Узбекистан	2073	2330
Общая численность иностранных граждан	31 533	26 134

* Рассчитано на основании выданных подтверждений на право трудовой деятельности отделом миграции УВД ХМАО.

ставление о темпах трудовой миграции и помогает сделать оценочные выводы (см. Табл.)

Ясно, что приток рабочей силы из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана неуклонно растет. Исключение составляет Туркмения, но здесь налицо действие административного ограничения на выезд. Приток в регион почти 60 тыс. мигрантов за два года (без учета членов их семей) свидетельствует об экономической привлекательности региона.

Формирование новых идентичностей и солидарных связей. В советское время мусульманская идентичность в регионе не была актуальной. Она актуализировалась в годы идеологического вакуума, наступившего после исчезновения таких объединительных идеологем, как "интернационализм" и "советский народ" (и связанных с ними политической и гражданской моделей идентичностей). Вакуум заполнился религиозной идеологией и сменился различными моделями религиозной, государственной и культурной идентичностей. Являться православным стало означать быть русским, патриотом и государственным, а мусульманином – быть "россиянином", иностранцем или политически неблагонадежным членом российского социума (ПМА 2007).

Интересно, что новая идентичность генерирует потребность в создании новых солидарных связей. Так, появляются профессиональные сообщества – рабочие бригады, состоящие почти только из выходцев из одного региона или единоверцев. К примеру, там, где необходимо осуществлять работу большим количеством рабочих рук, существуют бригады дорожных строителей из Таджикистана, таксистов из кавказского региона или из Молдавии, коммунальных рабочих из Центральной Азии, называемых в простонародье "талибами". Охранниками на предприятиях часто становятся выходцы с Северного Кавказа, в сфере строительства заняты армяне или молдаване, рабочие-нефтяники – это татары и башкиры, торговлю на рынках и систему общественного питания поддерживают азербайджанские торговцы. Более состоятельные стремятся купить землю под АЗС, открыть свой магазин. Такие планы обычно строят представители народов Северного Кавказа и татары, лучше "укорененные" на территории. В целом Север привлекает трудовых мигрантов не только и не столько возможностью найти работу, сколько надеждой организовать собственное дело, что на родине по той или иной причине осуществить не удается. На наш вопрос: "Согласились бы вы остаться на Севере, если бы у вас не было никаких других возможностей заработать денег, кроме зарплаты рабочего или служащего?" более половины опрошенных ответили отрицательно.

Подобно работе организуется и досуг. Представители народов Северного Кавказа открывают точки проведения досуга для "своих", привлекая их национальной кухней и

названием, напоминающим о родине. В последнее время появились и специальные услуги, связанные с производством продуктов халяль для мусульман. Такие продукты можно было купить на рынке (до марта 2007 г.) в специальных отделах или в магазинах при мечетях.

Еще один способ установления солидарных связей – официальный брак или так называемый гражданский брак. Мужская рабочая сила, привлекаемая на север Тюменской обл., превосходит женскую в 30 раз. Мужчин приглашают в регион преимущественно юридические лица и обычно по квоте. Часто среди прибывших находится немало квалифицированных специалистов, что высоко ценится работодателями. Последние стараются удержать таких специалистов, в том числе путем поощрения их брачных связей. Как правило, заключаемые мусульманами браки, даже межэтнические, происходят внутри конфессиональной группы. Приезжающие на заработки в регион женщины – в основном славянского происхождения. Мне известна лишь одна жительница мусульманского региона, приехавшая в ХМАО на постоянное место жительства без родственников-мужчин и поселившаяся со своим сыном (ПМА 2007). Все другие известные мне случаи (чеченки, чеченки-аккинки из Дагестана, ингушки, ногойки, лачки, аварки, таджички, узбечки и азербайджанки) приезжают на время или на долгий срок для работы вместе со своими мужьями или братьями.

В результате население ХМАО и ЯНАО характеризуется самым высоким показателем межэтнической брачности в РФ (каждый третий брак здесь – межнациональный) и большим количеством славянских девушек и женщин, посещающих мечеть. Динамика бракоразводных процессов при этом остается на том же уровне, что и по России в целом. Мне приходилось не раз обращать внимание на многочисленные брачные объявления или объявления со скрытым брачным предложением местных жительниц, выраженных в предложении о поднаеме комнаты в общей с хозяйкой квартире, в которых отдельной строкой обозначалась просьба к мужчинам "славянской" национальности "не беспокоиться" по поводу высказанного в данном объявлении предложения (ПМА 2007). Брак с местными женщинами становится для многих мужчин-мигрантов основой для закрепления в регионе.

Кроме описанных выше неформальных способов есть и формальные способы поддержания мусульманской идентичности в новых условиях. Это регистрация национально-культурных автономий, фондов по строительству мечетей и поддержке джамаата (махалли), организация курсов мусульманского образования при мечетях, сбор книг по исламу для библиотеки, учреждение новых средств массовой информации, курсов обучения чтению Корана для детей и взрослых. Иногда стремление помочь своей общине удовлетворить в полной мере потребности конфессиональной жизни приводит к тому, что из мусульманской среды выходят те, кто стремится принять участие в выборах в муниципальные органы власти. Так было в 2006 г. в Ханты-Мансийске, когда из татарской и азербайджанской национально-культурных автономий, а также вайнахской диаспоры вышли кандидаты на основе самовыдвижения. Не все они в своих программах предлагали способы оживления конфессиональной жизни, но говорили об этом на встречах. Этот уровень конфессиональной жизни требует взаимодействия с государством, которое, к сожалению, не всегда проходит успешно.

Выводы. Западносибирский регион активно пополняется мусульманским населением СНГ и России, которое рассматривает его как свое историческое и экономическое пространство. Влияние ислама становится здесь все более заметным и органично вписывается в культурный ландшафт края. Ислам как религия и образ жизни становится важным консолидирующим фактором, выполняя тут адаптирующие функции для мигрантов, формируя из них группы, связанные общими экономическими интересами.

Вместе с тем ислам в указанном регионе представлен сегодня всеми, в том числе и радикальными направлениями, бытующими на территории России и СНГ. В настоя-

щее время мусульманам-традиционалистам бывает все труднее в условиях отстраненности местной власти противостоять представителям радикальной идеологии.

Думается, что развитие диалога с существующими в регионе мусульманскими организациями поможет осуществить борьбу с кластеризацией общества по национальному признаку, а также будет способствовать интеграции недавних мигрантов из мусульманских стран СНГ в состав европеизированного населения Западной Сибири без утраты ими этнорелигиозной идентичности. Это также может способствовать профилактике и других проблем, связанных с ростом социальной напряженности при сужении рынка труда в условиях истощения нефтяных ресурсов Западной Сибири или колебаний цен на нефть.

ЭО, 2008 г., № 3

© Ж. Х. Скрыльникова

**"АСТРАХАНЬГАЗПРОМ"
В СУДЬБАХ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

История ногайцев-карагашей – небольшой этнической группы ногайцев на территории Астраханской обл. – своеобразный пример изменений традиционной культуры под влиянием различных факторов политического, экономического и культурного характера. Вместе с тем карагаши – это еще и пример адаптации небольшой этнической группы к новым условиям, позволившим им не только сохранить свою культуру, но и повлиять на многие культурные процессы как внутри самой группы, так и в рамках Астраханской обл. и даже в рамках ногайского этноса в целом.

Ногайцы-карагаши – локальная этническая группа; согласно переписи, их насчитывается 4570 человек, реально же их около 10 тыс. Территория поселения ногайцев-карагашей с 1770-х годов формируется в Красноярском у. Астраханской губ.; именно там они перешли от кочевого к полуседлому, а затем оседлому образу жизни (*Васькин* 1973: 33). В конце XX в. территория компактного проживания ногайцев-карагашей включала села Сеитовка, Айсалай, Куянлы, Ланчуг, Бузан-пристань, Бузан-разъезд, Белячий, Джанай, Подчалык, Ясын-Сокан, Ходжетаевка Красноярского р-на, с. Малый Арал, а также с. Лапас Харабалинского р-на, пригород Астрахани – поселки Кири-кили, Янго-Аул, Свободный. С 1995 г. ногайцы-карагаши появились и в с. Растопуловка Приволжского р-на.

Бурные перемены, вызванные хозяйственными и политическими преобразованиями в крае, серьезным образом повлияли на культурные процессы, происходящие в карагашской среде в конце XX – начале XXI в. Изменения коснулись как мест проживания, так и этнических ориентиров. Из-за ухудшения экологической ситуации в результате промышленной разработки газового месторождения часть карагашей была расселена в разные районы области. Эти и другие факторы вызвали волну этнической консолидации карагашей, а также повлияли на процессы поиска этнической идентичности.